

RU

Реализация поэтического дискурса в рекреативной фазе перевода (на примере перевода стихотворения Сергея Гонцова «В красном тереме» на английский язык)

Гусева Е. Н.

Аннотация. Цель данного исследования – определить на материале стихотворения Сергея Гонцова «В красном тереме» способы реализации некоторых факторов дискурсивности, а именно культурно-исторического и психологического, в процессе поэтического перевода. В статье рассматриваются взгляды на поэтический перевод как смыслоизвлекающий и смыслоформирующий процесс; подчеркивается целесообразность выделения рекреативной фазы, где переводчик сначала становится реципиентом и дешифровщиком авторского замысла, затем кодирует освоенный материал средствами другого языка. Особое внимание уделено понятиям дискурса и коммуникативного блока, рассмотрена возможность их соотношения; на примере стихотворения Гонцова «В красном тереме» дан образец деления на коммуникативные блоки, спрогнозированы вопросы читателя к каждому блоку и представлены пути реализации указанных дискурсивных факторов при переводе стихотворения на английский язык. Научная новизна состоит в том, что опубликованных переводов стихотворений С. А. Гонцова до настоящего времени не было, автором статьи впервые представлена англоязычная версия данного стихотворения и предложен анализ используемых при передаче оригинала стилистических средств с позиции семио-дискурсивной модели перевода. В результате удалось определить средства выражения культурно-исторического и психологического дискурсивных факторов в оригинальном стихотворении и средства их проецирования в английском тексте.

EN

Realization of poetic discourse in the recreative phase of translation (based on an English translation of Sergei Gontsov's poem “In a red tower-room”)

Guseva E. N.

Abstract. The study aims to determine the ways of implementing some factors of discursivity, namely cultural-historical and psychological factors, in the process of poetic translation based on Sergei Gontsov's poem “In a red tower-room”. The paper examines the views on poetic translation as a meaning-extracting and meaning-forming process. The study emphasizes the expediency of highlighting the recreational phase, during which the translator first becomes the recipient and decoder of the author's idea, then encodes the mastered material by means of another language. Special attention is paid to the notions of discourse and a communicative block, the possibility of correlating them is considered. Using Gontsov's poem “In a red tower-room” as an example, a sample of dividing the poem into communicative blocks is given, along with predictions of the reader's questions for each block and ways of implementing these discursive factors when translating the poem into English. The scientific novelty lies in the fact that translations of S. A. Gontsov's poems have not been published to date, the paper is the first to present an English-language version of this poem and offer an analysis of the stylistic devices used in the rendering of the original from the perspective of the semio-discursive model of translation. As a result, it was possible to identify the means by which cultural-historical and psychological discursive factors are expressed in the original poem and the means by which they are projected in the English text.

Введение

Актуальность исследования обусловлена тем, что в настоящее время заметно возрастает значимость поэтических текстов, емко и образно отражающих культурно-исторические ценности и эмоционально-психологические

особенности национального самосознания. Мы полагаем, что Сергей Александрович Гонцов – один из современных национальных поэтов, с творчеством которых в условиях меняющегося социально-экономического контекста необходимо знакомить зарубежных читателей, заинтересованных в получении, расширении или коррекции культурологических и этнопсихологических знаний о русском характере. В данной статье мы впервые пытаемся показать особенности самобытного художественного дискурса С. А. Гонцова в рекреативном поэтическом тексте на английском языке. Анализ культурно-исторического и психологического аспектов в лирике Сергея Гонцова позволит глубже понять мировоззрение поэта и даст возможность наметить дальнейшие пути изучения его творчества с целью перевода на другие языки.

Для достижения цели в статье решаются следующие задачи:

- 1) выявить фазы художественного перевода как дискурсивной практики;
- 2) сопоставить понятия дискурса и коммуникативного блока;
- 3) предложить переводческие решения для воплощения культурно-исторических концептов и психологического воздействия в тексте на иностранном языке.

В статье применены следующие методы исследования: описательно-аналитический, с помощью которого удалось описать единицы, образующие культурно-историческую и психологическую канву текста; сравнительно-сопоставительный метод для обнаружения сходства и различия выявленных смыслообразующих единиц с их эквивалентами на английском языке. Также в работе использован контекстуальный анализ, так как при рассмотрении структурно-семантических и функциональных особенностей сопоставляемых поэтических средств учитывается контекст их употребления.

Материалы исследования: Гонцов С. А. Стихи // Литературная учеба. 1990. № 2. В качестве справочного материала был задействован следующий словарь: Oxford English Dictionary (OED). <https://www.oed.com/>.

Теоретической базой для данной статьи послужили исследования современного поэтического дискурса (Ревзина, 2005; Миловидов, 2007; Фатеева, 2017; Тляшев, 2020; Кучумова, 2021; Антонова, 2023), универсальных понятий поэтического перевода (Казанцева, 1991; Шутемова, 2012; Колкер, 2014; Леонтьева, 2013; Устинова, 2017), знаков, символов, стержневых культурологических категорий (Лотман, 1992; Алексина, 2002; Джигрина, 2010; Рунг, Чиглинцев, 2018).

Практическая значимость заключается в том, что полученные аналитические и интерпретационные данные могут быть использованы для составления учебных пособий, которые войдут в систему предметов, обучающих теории и практике перевода, в рамках учебного процесса на факультетах иностранных языков, а также дополнительных образовательных программ, готовящих переводчиков в сфере художественного перевода, в частности на спецкурсах по поэтическому переводу.

Обсуждение и результаты

Стихотворение, написанное на любом языке, – это выражение культурных и мировоззренческих установок автора, его взглядов и суждений, в результате чего появляется концентрированное по силе воздействия и охвату предметов и явлений действительности произведение искусства.

Утверждение, что поэтический перевод представляет собой проекцию оригинального текста благодаря личности переводчика, получило широкое толкование в научной литературе. Я. М. Колкер (2014) считает, что художественный перевод – это исследование, результат исследования, инструмент исследования. Это анализ, неизбежно сопряженный синтезом; это зависимость целого от части и части от целого (Колкер, 2014, с. 4). Об адекватном переводе говорят в том случае, когда поэтический текст «содержательно, эстетически и функционально равноценен оригиналу, т. е. текст максимально полно и без искажений воссоздает оригинал на языке перевода» (Чайковский, 1997, с. 63).

Процесс создания поэтического текста, по мнению К. И. Леонтьевой (2013), включает креативную фазу, где текст является результатом затвердевания дискурса, и рецептивную фазу, где текст представляет собой матрицу смыслообразования. Путь поэтического текста от автора к читателю подразумевает анализ лингвистических, экстралингвистических, прагматических, социально-психологических, культурно-исторических и прочих факторов. Неконгруэнтность семио-дискурсивных контекстов ведет к несовпадению кодов автора и реципиента. Рассматривая перевод как интердискурсивную практику, К. И. Леонтьева (2013) предлагает добавить в модель «креативная фаза – рецептивная фаза» рекреативную фазу, агентом которой выступает переводчик. На первом этапе работы со стихотворением переводчик сам выступает в качестве реципиента текста на иностранном языке, затем он «создает его функционально-семантический вариант на языке перевода, т. е. пересоздает освоенную им в процессе тексторецепции содержательность текста ИЯ средствами ПЯ» (Леонтьева, 2013, с. 26).

Поэтический перевод – это многоступенчатый процесс извлечения смысловой информации на всех уровнях текста и параллельного формирования текста на принимающем языке через выдвижение и верификацию гипотез, процесс, предполагающий фоновые знания как предпосылку адекватного осмысления оригинала и использование совокупности подходов как инструментов анализа (Колкер, 2014, с. 130). Задачей переводчика является не механистическое суммирование значений слов, а рефлексивное освоение их семантической двуплановости, и в этом смысле образности, что способствует освоению образности мышления автора оригинала и пониманию идейно-эмотивной основы исходного текста (Шутемова, 2012, с. 186).

Работа переводчика включает не только владение лексико-грамматическими приемами перевода, но и оценку дискурсивной модели переводимого произведения. В данной статье мы воспользуемся следующими

определениями дискурса. Дискурс – это «диалогическая и динамическая мыслительно-речевая практика, протекание которой обусловлено местом, временем, культурно-историческим и социально-психологическим контекстом говорения и слушания, характером намерений говорящего и слушающего, особенностями использования языка, на котором кодируется и строится сообщение, а также особенностями языкового декодирования» (Миловидов, 2007, с. 111). Дискурс мыслится как субстанция, которая не имеет четкого контура и объема и находится в постоянном движении (Ревзина, 2005). Я. М. Колкер (1975) соотносит дискурс как процесс развертывания высказывания с коммуникативным блоком, характеризующим структурную организацию текста с точки зрения коммуникативно-риторического подхода. Коммуникативный блок – функциональная единица письменного высказывания, в которой прямо или косвенно характеризуется объект высказывания и которая соответствует каждому отдельному этапу реализации замысла этого высказывания, отражая ход развития мысли пишущего на разных уровнях ее детализации и тем самым – иерархию признаков объекта высказывания (Колкер, 1975, с. 110). Е. А. Абросимова (2020, с. 100) добавляет, что дискурс – это особый диалог, включающий так или иначе взаимодействие на различных уровнях: текст – читатель, поэт – текст, текст – другой текст, поэт – читатель, поэт – другой поэт. Художественный текст как особый тип дискурса заслуживает отдельного рассмотрения, поскольку его первостепенной функцией является эмоционально-экспрессивное воздействие на духовную сферу жизни человека (Антонова, 2023, с. 247).

Объектом нашего исследования выступает стихотворение Сергея Александровича Гонцова «В красном тереме», впервые опубликованное на всероссийском уровне в журнале «Литературная учеба» за 1990 год. Сергей Гонцов, самобытный, глубоко национальный поэт, проживает в г. Старица Тверской области и возглавляет Тверское региональное представительство Союза российских писателей. В стихах С. А. Гонцова понятия Дух и Красота – это понятия метаконцептуального уровня. Принятие переводческих решений, сколь бы свернутым или развернутым ни был этот процесс, не может успешно состояться, если не принимать во внимание контекст всего произведения, всего творчества автора (Устинова, 2017, с. 68). Познать художественный текст – это значит познать мир, порожденный этим текстом (Ревзина, 2023, с. 11).

Погружение в удивительный мир этого произведения мы начинаем с заголовка, дихотомически противопоставленного тексту стихотворения. Терем мыслится в сознании реципиента либо девичьим, либо княжеским и соотносится с определенным историческим периодом. Терем – жилое помещение в верхней части богатых хором или дом в виде башни. Терем – красный, то есть красивый, добротный, принадлежащий знатной особе. Имя и эпитет в заголовке неслучайны, их проработку мы увидим в каждом четверостишии. При переводе названия мы выбирали между двумя вариантами: “In a red tower-house” и “In a red tower-room”. Определение Оксфордского словаря английского языка слова “tower” – “A building lofty in proportion to the size of its base, either isolated, or forming part of a castle, church, or other edifice” (OED) – в целом соответствует понятию «терем», но не передает национального колорита. Интересно, что слово “terem” в английском языке есть, и словарь трактует его как “Secluded separate quarters for women”. И все же есть сомнения, что слово “terem” в таком узком значении будет понятно англоязычному читателю без переводческого комментария: “Terem is a tower in an old Russian mansion where women were kept in seclusion or in a broader sense a traditional dwelling of a noble family”. Но включение переводческого комментария в перевод заголовка представляется нецелесообразным, тем более что далее в английском тексте культуроним “terem” не встречается. Остановимся на варианте “In a red tower-room”, где “tower-room” подчеркивает возвышенность, уединенность и камерность, а “red”, как и в русском языке, может означать целый спектр положительных и отрицательных эмоций (Гусева, Осадец, 2023, с. 33).

Рассматриваемое произведение, на наш взгляд, состоит из четырех коммуникативных блоков. Первый катрен представляет собой хронотоп с классической трехкомпонентной структурой, где субъект – киевский боярин, время – полночь, место – терем. В совокупности эти три элемента дают отсылку к стародавним временам.

«В полночном тереме неточная свеча.

И киевский боярин тонколикий

В провал окна глядит из-за плеча,

В раскол времен, пленительный и дикий» (Гонцов, 1990, с. 15).

Эпитет «тонколикий» дает право судить о лирическом герое как о человеке благородного происхождения, образованном и духовно развитом. В двух последних строках просматриваются очертания четвертого компонента, алгоритма действия, собственно вписанного в координаты пространства и времени наблюдаемого лирическим субъектом события (Казанцева, 1991), выраженного не глагольной, а именной формой, сопровождаемой выразительными эпитетами.

“A candle’s twinkling in a midnight room.

A thin-faced Kievan boyar is looking

At the abyss of time which seems to loom

And charm behind the window’s crevice. Spooky”.

Произведение на иностранном языке начинается с темы, вынесенной в заголовок стихотворения, оставляя в позиции ремы словосочетание «неточная свеча», которое в комбинации с тематической характеристикой «полночный терем» создает лексически и интонационно картину неуловимой тайны, чего-то значительного и непостижимого, что должно вот-вот произойти. В переводе глагольная форма настоящего продолженного времени берет на себя смысловую нагрузку прилагательного «неточный» и создает причастность читателя к происходящему событию. Тема-рематические отношения решаются путем вывода на первое место

существительного с неопределенным артиклем. Замена возвышенного эпитета «тонколикий», свидетельствующего скорее об отстраненности, избранности и даже иконографичности лирического субъекта, на “thin-faced” является семантической потерей, которую мы пытаемся компенсировать связкой “spooky/cold/lingering”, расположенной на стыке первого и второго катренов. Анжамбеман, отделяющий “spooky” от других прилагательных, делает первый коммуникативный блок в переводе на английский немного короче. Перевод историзма «боярин» как “boyar” все-таки потребует сноски и комментария: “boyar – a member of an order of Russian aristocracy, next in rank to a prince”. На наш взгляд, важно сохранить наиболее точную характеристику статуса, исторической и этнической принадлежности лирического субъекта.

Второй катрен, в отличие от описательного первого, представляет начало действия, напряженное ожидание какого-то важного события. Динамика выражена включением в одно предложение формы простого будущего времени, деепричастия совершенного вида как проекции прошедшего в будущем и формы настоящего времени несовершенного вида с актуально-длительным значением:

«Кусать перо и мыслить *надоест*,

И век измеренный *постигнув* беспробудно,

Взор *вознесет* на темно-алый крест

И *смотрит* долго, холодно и чудно» (Гонцов, 1990, с. 15) (курсив автора статьи. – Е. Г.). /

“And cold and lingering are the observer’s eyes

Fixed on the future Annals empty pages.

He’s waiting for the scarlet dawn to rise.

His quill is bored with fathomable ages”.

В английском тексте преобладают формы Present Indefinite Passive и Present Continuous Active, за счет чего катрен становится более созерцательным и статическим. Перевод второго четверостишия также ставит серьезную задачу поиска подходящей функциональной замены для сочетания «темно-алый крест», не принадлежащего к безэквивалентной лексике. Если перевести его буквально как “dark-red cross”, можно предсказать неуместную ассоциацию в сознании англоговорящего читателя с Красным Крестом, а это не соответствует замыслу автора. Мы сочли нужным применить функциональное соответствие в сочетании с грамматической трансформацией, заменив глагол в будущем времени на инфинитивную конструкцию в сочетании с формой настоящего длительного, а «темно-алый крест» – на “the scarlet dawn”, что в нашем понимании вполне соответствует авторской идее. Простые в плане выражения символы, каким является крест, обладают большей культурно-смысловой емкостью, чем сложные (Лотман, 1992, с. 193). Христианский крест символизирует не только соединение вертикали ценностей с горизонталью времени, но и саму жизнь, оплаченную мучениями Христа. Сочетание “the scarlet dawn”, смысловое приращение символа «крест», также можно трактовать как торжество жизни над смертью, омытое кровью.

Следующие три катрена отвечают на предполагаемый вопрос читателя – «что лирический герой видит из окна терема?». Ответ автора насыщен метафорами.

«Востоком Ксеркса твердь обнажена

И Западом разорвана всевещным,

И нет Христа, и вьется тишина,

Колеблемая промыслом зловещим» (Гонцов, 1990, с. 15).

Третий катрен начинается с противопоставления Востока и Запада как мирового баланса и базовой составляющей всего мироздания. Персидский царь Ксеркс, сын Дария, по свидетельству историографов, заявлял о себе как об истинном преемнике и продолжателе политики своего отца. Позиционирование же Дария в мире своих подданных вполне соответствует восточной монархической традиции (Рунг, Чиглинцев, 2018, с. 126). Ксеркс говорит, что он друг правого и недруг лжеца, что он заботится о том, чтобы сильный не обижал слабого и слабый не претерпевал обиды от сильного, что он сдержанного нрава, стойко переносит военные опасности, награждает за преданность и наказывает за враждебность и т. д. (Рунг, Чиглинцев, 2018, с. 127).

Запад у Гонцова «всевещный». Перевод авторских словообразований – непростая задача, особенно в текстах, насыщенных культурно-историческими аллюзиями и мистическим подтекстом. Встает вопрос: «всевещный» – это «всё ведающий прорицатель», «вещун» или «относящийся к вещам»? Этот фрагмент представляет своего рода зону смысловой неопределенности. Элементы неоднозначности связаны с точками контакта автора и читателя. Они возникают там, где существует рецептивная трудность (Кучумова, 2021, с. 101). Мы полагаем, что это слово относится к метаязыковым явлениям, поскольку «все введенные поэтом фонетические, орфографические, словообразовательные, грамматические, лексико-семантические и другие трансформации имеют особую мотивацию и работают на приращение смысла, прежде всего на его эстетическую составляющую» (Фатеева, 2017, с. 140). В переводе мы прибегаем к грамматической конверсии, заменив предложение в страдательном залоге на конструкцию в Present Perfect Active, и лексической замене. Прагматичная дезинтеграция синкретичной действительности достигается с помощью эпитета “proclaiming” и глагольной формы “has rived”.

“The East of Xerxes has denuded and surprised

The firmament and the proclaiming West has rived it.

And watchful is the night deprived of Christ,

And ominous is fluctuating quiet”.

Четвертый катрен интересен тем, что в оригинальном произведении в нем ощущается незримое присутствие автора, невидимого наблюдателя за своим лирическим героем. Здесь мы также видим еще одно упоминание красного цвета, несущего сему тревожности, смертельной опасности и, одновременно, освобождения от страданий, что в английской версии переведено как “blissful pain” (блаженная боль), “bleeding memory and furore” (кровоточащая память и ярость). Последний компонент эпитета также соотносится с оригинальным словосочетанием «чьи пересвисты дики».

«Он знает жизнь, и впору зарыдать
Над суетным законом вечной славы,
Во мгле последней чужа благодать,
Чьи пересвисты дики и кровавы» (Гонцов, 1990, с. 15). /
“He’s learned the world. Lamentable and vain
Are standard laws of the eternal glory.
The final shadows’ gift is blissful pain
Disguised as bleeding memory and furore”.

Пятый катрен основан на противопоставлении мужского и женского, вертикали и горизонтали, умиротворенной возвышенности и яростного, стремительного движения. Мы возвращаемся к образу креста, соединившего в сознании человека вертикаль вечности и горизонталь времени. «Философия православия стремится к соединению времени и вечности, увидеть в мгновении настоящего пребывающую вечность» (Алексина, 2002, с. 52). Это кульминация третьего коммуникативного блока.

«Небесные съезжаются возы.
Всенощных женщин легкое дыханье
Окрест сквозит, и зарево грозы,
И время, вдалеку бегущее, кабанье» (Гонцов, 1990, с. 15).

Английский текст выражает эту оппозицию более прямолинейно в первых двух строках: “men” / “women”. Эпитет субъекта «всенощный» примыкает к обстоятельству места “vigilant night service”. Имеет место замена лаконичного, незаурядного по силе воздействия и безусловной авторской находки сочетания «кабанье время» целым предложением “No one to defy the time which sweeps them all in deadly earnest”. Такое разворачивание и отягощение деталями представляется смысловой потерей и неудачей переводчика.

“The chariot men are summoned in the sky.
The women at the vigilant night service
Are breathing softly. No one to defy
The time which sweeps them all in deadly earnest”.

Последнее четверостишие – четвертый коммуникативный блок – расставляет точки над “i”, идентифицирует лирического героя как летописца и при всей внешней угрожающей таинственности привносит долгожданное умиротворение: из хаотичного, напряженного контекста, где «нет Христа», формируется порядок, начинается повествование о походе князя Игоря, «кабанье время» отныне потечет по свиткам и страницам летописных книг.

«Густеет пустота вокруг свечи.
Качаются немислимые тени.
“Великий мир! – он скажет. – Замолчи!
Я расскажу об Игоревом плене”» (Гонцов, 1990, с. 15).

И вновь в переводе на английский язык мы видим большую степень конкретизации образа: “The midnight thinker’s starting a new chapter”. В авторском произведении обращение к миру выражено довольно жестким императивом, в переводе это звучит скорее как предложение, совет усталому путнику: “have some rest, sleep tight”, в связи с чем убран восклицательный знак в конце прямой речи. При этом мы осознаем, что такой вариант не передает взаимодействия лирического субъекта с миром, не выражает требования благоговейной тишины, в которой рождается слово.

“The emptiness is thicker ‘round the light.
The midnight thinker’s starting a new chapter.
“Great world”, he’ll utter, “have some rest, sleep tight.
I’ll tell you how Prince Igor had been captured””.

Все упомянутые переводческие решения в итоге служат доказательством того, что поэтический дискурс является мощным потенциалом для продуцирования процесса смыслопорождения, возникновения ассоциаций, вербализует многообразные пути мировосприятия, его познания и оценки (Тяшев, 2020, с. 297).

В завершение представим параллельно русский оригинальный текст (Гонцов, 1990, с. 15) и английский переводной.

В красном тереме

В полночном тереме неточная свеча.
И киевский боярин тонколикий
В провал окна глядит из-за плеча,
В раскол времен, пленительный и дикий.

In a red tower-room

A candle’s twinkling in a midnight room.
A thin-faced Kievan boyar is looking
At the abyss of time which seems to loom
And charm behind the window’s crevice. Spooky

Кусать перо и мыслить надоест,
И век измеренный постигнув беспробудно,
Взор вознесет на темно-алый крест
И смотрит долго, холодно и чудно.

Востоком Ксеркса твердь обнажена
И Западом разорвана всевещным,
И нет Христа, и вьется тишина,
Колелемая промыслом зловещим.

Он знает жизнь, и в пору зарыдать
Над суетным законом вечной славы,
Во мгле последней чужа благодать,
Чьи пересвисты дики и кровавы.

Небесные съезжаются возы.
Всенощных женщин легкое дыханье
Окрест сквозит, и зарево грозы,
И время, вдалеку бегущее, кабанье.

Густеет пустота вокруг свечи.
Качаются немислимые тени.
«Великий мир! – он скажет. – Замолчи!
Я расскажу об Игоре в плену».

And cold and lingering are the observer's eyes
Fixed on the future Annals empty pages.
He's waiting for the scarlet dawn to rise.
His quill is bored with fathomable ages.

The East of Xerxes has denuded and surprised
The firmament and the proclaiming West has rived it.
And watchful is the night deprived of Christ,
And ominous is fluctuating quiet.

He's learned the world. Lamentable and vain
Are standard laws of the eternal glory.
The final shadows' gift is blissful pain
Disguised as bleeding memory and furore.

The chariot men are summoned in the sky.
The women at the vigilant night service
Are breathing softly. No one to defy
The time which sweeps them all in deadly earnest.

The emptiness is thicker 'round the light.
The midnight thinker's starting a new chapter.
"Great world", he'll utter, "have some rest, sleep tight.
I'll tell you how Prince Igor had been captured".
(перевод автора статьи. – Е. Г.).

В предлагаемом варианте перевода сохранен ритмический рисунок стихотворения, пятистопный ямб, а также деление на коммуникативные блоки, что подразумевает сходство предполагаемых читательских вопросов.

Заключение

Таким образом, мы приходим к следующим выводам:

1. Путь художественного текста на иностранном языке к иноязычному читателю лежит через личностные и профессиональные особенности переводчика, поэтому в стандартной схеме между автором и читателем (креативной и рецептивной фазами) целесообразно выделить место для переводчика (рекреативная фаза), когда он сам сначала выступает в качестве реципиента (декодирует поэтический текст), затем создает проекцию этого текста, кодируя стержневые понятия и сопутствующие детали средствами иностранного языка.

2. Понятия «дискурс» и «коммуникативный блок» во многом пересекаются, не соотносятся с графическими границами стихотворения и могут отличаться по размеру в оригинальном и переводном текстах в зависимости от переводческого решения частной дискурсивной задачи.

3. *Культурно-исторические факторы* дискурса, на наш взгляд, воплощены следующим образом:

1) темно-алый крест – "the scarlet dawn";
2) Восток и Запад: первый обнажает твердь, второй – ее разрывает: "the East has denuded and surprised the firmament and the West has rived it". В обоих случаях понятно, что историческое место, где происходит событие, не принадлежит ни Востоку, ни Западу, оно уникально в своей пространственно-временной перспективе;

3) твердь – "firmament";

4) образ креста в пятом катрене: «небесные возы», «всенощных женщин легкое дыханье» – вертикаль, вечность; «зареве грозы», «время, вдалеку бегущее, кабанье» – горизонталь, время. В английском тексте: "chariot men summoned in the sky, the women at the vigilant night service are breathing softly" – вертикаль, вечность; "the time which sweeps them all [men and women] in deadly earnest" – горизонталь, время.

Психологические факторы дискурса и их отражение в английском тексте:

1) неуловимость и хрупкость происходящего: «неточная свеча» – "a candle's twinkling"; «провал окна» – "the window's crevice";

2) пугающая непостижимость и величие времени: «раскол времен» – "the abyss of time"; «век измеренный» – "fathomable ages"; «кабанье время» – "the time which sweeps in deadly earnest";

3) напряженное ожидание, ощущение незащитности, неотвратимости перехода из одного измерения в другое: «и нет Христа, и вьется тишина, колеблемая промыслом зловещим» – "and watchful is the night deprived of Christ, and ominous is fluctuating quiet"; «густеет пустота вокруг свечи, качаются немислимые тени» – "the emptiness is thicker 'round the light".

Поэзия стремится вглубь и вширь, за пределы культурного ареала, очерченного родным языком. Настоящее исследование дает перспективу дальнейшего изучения творчества самобытного русского поэта Сергея Александровича Гонцова в плане создания проекции его произведений на английском и других иностранных языках.

Источники | References

1. Абросимова Е. А. Интермедиальное измерение современного поэтического дискурса: теоретический обзор // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2020. Т. 13. Вып. 4.
2. Алексина Т. А. Время в культуре мира // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «Философия». 2002. № 3.
3. Антонова Е. Н. Интертекстуальный характер поэтического филологического дискурса // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «Теория языка. Семиотика. Семантика». 2023. Т. 14. № 1.
4. Гусева Е. Н., Осадец А. Ю. Роль греко-латинских заимствований в цветообозначении в русском и английском языках // Межкультурная коммуникация в едином образовательном пространстве: проблемы и перспективы: мат-лы V международной научно-теоретической конференции студентов и молодых учёных, посвящённой 80-летию РязГМУ им. акад. И. П. Павлова (г. Рязань, 17 марта 2023 г.). Рязань: Рязанский государственный медицинский университет имени академика И. П. Павлова, 2023.
5. Джигрина М. А. Крест как знак и образ в «народно-православной» культуре // Наука и современность. 2010. № 6-1.
6. Казанцева Л. В. Категория хронотопа в структуре художественного произведения: автореф. дисс. ... к. филол. н. М., 1991.
7. Колкер Я. М. Поэзия и проза художественного перевода. М.: Гуманитарий, 2014.
8. Колкер Я. М. Теоретическое обоснование последовательности обучения письменному выражению мыслей на иностранном языке: дисс. ... к. пед. н. М., 1975.
9. Кучумова Г. В. Современный поэтический дискурс: языковая природа герметизма // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2021. Т. 13. Вып. 1.
10. Леонтьева К. И. Универсалии поэтического (стихотворного) перевода (на материале русских переводов из англоязычной поэзии XX века): дисс. ... к. филол. н. Тверь, 2013.
11. Лотман Ю. М. Символ в системе культуры // Лотман Ю. М. Избранные статьи: в 3-х т. Таллинн: Александра, 1992. Т. 1.
12. Миловидов В. А. Проблема идеального читателя в контексте методологии дискурс-анализа литературного произведения // Вестник Тверского государственного университета. Серия «Филология». 2007. № 10.
13. Ревзина О. Г. Дискурс и дискурсивные формации // Критика и семиотика. 2005. Вып. 8.
14. Ревзина О. Г. Когнитивное пространство художественного текста // Verba. Северо-Западный лингвистический журнал. 2023. № 3 (8).
15. Рунг Э. В., Чиглинцев Е. А. Darius versus хегхем: образы Дария I и Ксеркса в древнеперсидских надписях и в произведениях Эсхила и Геродота // Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете. 2018. Т. 38. № 3-4.
16. Тляшев Н. В. Специфика поэтического дискурса в англоязычной и русскоязычной лингвокультурных традициях // Доклады Башкирского университета. 2020. Т. 5. № 4.
17. Устинова Е. С. Интертекстуальные и внутритекстовые ассоциации в аспекте поэтического перевода // Иностранные языки в высшей школе. 2017. № 3 (42).
18. Фатеева Н. А. Поэзия как филологический дискурс. Изд-е 2-е. М.: Языки славянской культуры, 2017.
19. Чайковский Р. Р. Реальности поэтического перевода (типологические и социологические аспекты). Магадан: Кордис, 1997.
20. Шутемова Н. В. Типологическая доминанта текста в теории поэтического перевода: дисс. ... д. филол. н. Пермь, 2012.

Информация об авторах | Author information

Гусева Елена Николаевна¹

¹ Рязанский государственный медицинский университет имени И. П. Павлова

Guseva Elena Nikolayevna¹

¹ Ryazan State Medical University

¹ lennona@inbox.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 08.01.2024; опубликовано online (published online): 15.02.2024.

Ключевые слова (keywords): дискурс; коммуникативный блок; (ре)креативная фаза; поэтический перевод; discourse; communicative block; (re)creative phase; poetic translation.